

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ «ЧАЙНАЯ РОЗА»,
«ЗИМНЯЯ РОЗА» И «СЕСТРИЦА»!

ДЖЕННИФЕР ДОННЕЛЛИ

ЖЕЛЕЗНОЕ СЕРДЦЕ

ЗЕРКАЛО, ЗЕРКАЛО
НА СТЕНЕ,
КТО ГОТОВИТ
ГИБЕЛЬ МНЕ?

Оглавление

[Пролог](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Глава 42](#)

[Глава 43](#)

[Глава 44](#)

[Глава 45](#)

[Глава 46](#)

[Глава 47](#)

[Глава 48](#)

[Глава 49](#)

[Глава 50](#)

[Глава 51](#)

[Глава 52](#)

[Глава 53](#)

[Глава 54](#)

[Глава 55](#)

[Глава 56](#)

[Глава 57](#)

[Глава 58](#)

[Глава 59](#)

[Глава 60](#)

[Глава 61](#)

[Глава 62](#)

[Глава 63](#)

[Глава 64](#)

[Глава 65](#)

[Глава 66](#)

[Глава 67](#)

[Глава 68](#)

[Глава 69](#)

[Глава 70](#)

[Глава 71](#)

[Глава 72](#)

[Глава 73](#)

[Глава 74](#)

[Глава 75](#)

[Глава 76](#)

[Глава 77](#)

[Глава 78](#)

[Глава 79](#)

[Глава 80](#)

[Глава 81](#)

[Глава 82](#)

[Глава 83](#)

[Глава 84](#)

[Глава 85](#)

[Глава 86](#)

[Глава 87](#)

[Глава 88](#)

[Глава 89](#)

[Глава 90](#)

[Глава 91](#)

[Глава 92](#)

[Глава 93](#)

[Глава 94](#)

[Эпилог](#)

[Благодарности](#)

•thebigbook•

Книги
ДЖЕННИФЕР
ДОННЕЛЛИ

Чайная роза
Зимняя роза

Сестрица
Железное сердце

ДЖЕННИФЕР ДОННЕЛЛИ

ЖЕЛЕЗНОЕ СЕРДЦЕ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Jennifer Donnelly

POISONED

Copyright © 2020 by Jennifer Donnelly

This edition published by arrangement with Writers House LLC

and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

Перевод с английского Натальи Масловой

Оформление обложки Виктории Манацковой

16+

Доннелли Дж.

Железное сердце : роман / Дженнифер Доннелли ; пер. с англ. Н.

Масловой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-19703-9

Красивая и добрая принцесса Софи вскоре должна взойти на трон. Но злая королева, мачеха Софи, считает падчерицу слишком мягкосердечной. Для безжалостных людей нет ничего вреднее доброты. Правители не должны знать жалости. Не должны показывать ни слабости, ни страха. Желая сохранить власть, королева приказывает егерю убить Софи и забрать ее сердце. Однако семь лесных человечков спасают девушку, вставив ей вместо сердца часовой механизм... И теперь перед Софи стоит сложный выбор: спрятаться, смириться с жестоким правлением королевы или бороться.

«Железное сердце» — это еще одна интерпретация истории о Белоснежке, рассказанная Дженнифер Доннелли, автором бестселлеров «Чайная роза» и «Сестрица», лауреатом многочисленных премий, в частности Медали Карнеги.

Впервые на русском языке!

© Н. Маслова, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

*Мэлори Касс, моему замечательному издателю,
с благодарностью и восхищением посвящается*

Пролог

Однажды, давным-давно, заехала одна девушка в Темный Лес.

Губы у девушки были красными, как вишня, кожа — белой и нежной, как свежий снег, а волосы — темными, как ночь.

Высокие сосны вздыхали и шептались, когда она проезжала под ними в сопровождении королевского егеря. На их верхушках сидели вороны с блестящими черными глазами и, склонив головы набок, смотрели вниз.

Когда рассвело, егерь указал на пруд впереди и сказал, что надо остановиться и напоить лошадей. Девушка спешила и пошла с ним рядом. Она так глубоко задумалась, что не слышала, как прошелестел кинжал, покидая ножны. Не видела, как егерь повернул лицо к заре, не заметила муки в его взгляде.

Девушка вскрикнула от неожиданности, когда егерь обхватил ее широкой ладонью за талию и грубо притянул ее к себе. Широко распахнув глаза, она недоуменно глядела в его глаза, ища в них ответа на свой невысказанный вопрос. Она не испугалась — сначала. И когда он воткнул кинжал ей между ребер, почти ничего не почувствовала — так, легкий укол, после которого стало мокро и горячо, словно она пролила на себя горячий чай.

Но тут явилась боль и, рыча, вонзила в нее свои окровавленные когти.

Девушка запрокинула голову и закричала. Из кустов выскочил олень и испуганно помчался прочь. Вороны сорвались с верхушек деревьев и бешено захлопали крыльями.

Егерь знал свое дело. Он не мешкал. Тысячу оленей

выпотрошил он за свою жизнь. Вот и теперь ножом такой остроты, что впору вырезать радугу с неба, он быстро рассек тонкие ребра, раздвинул плоть и перерезал сосуды.

Голова девушки поникла. Ноги подкосились. Егерь осторожно опустил ее на землю и встал возле нее на колени.

— Простите меня, милая принцесса. Простите, — умолял он. — Я совершил это злодеяние не по своей воле, но по приказу королевы.

— За что? — прошептала девушка с последним вздохом, и жизнь покинула ее.

Но егерь, чьи глаза были полны слез, не мог говорить. Молча исполнив свою страшную задачу, он поднялся с земли, и девушка получила ответ на свой вопрос. Последним, что видели, закрываясь, ее глаза, было ее собственное сердце: маленькое и прекрасное, оно трепетало в руке егеря.

Молчат лесные птицы. Затихли звери. Ночная тьма еще стоит под деревьями. На холодной земле умирает девушка, в ее груди, там, где положено биться сердцу, зияет рваная красная дыра.

— Егеря на дыбу! — слышу я твой возмущенный крик. — Королеву на костер! — Я разделяю твои чувства.

Но давай посмотрим внимательно — есть ли среди них главный злодей, виновник всех бед?

Конечно нет, и это совсем не удивительно. Ведь он хитер и осторожен, и с каждым из нас говорит только наедине. Приходит он и к тебе: встает в темном углу и шепчет, шепчет свои отравленные слова. Каплю за каплей вливает тебе в уши свой яд, откуда тот перетекает прямо в твое сердце.

Тебе кажется, что ты уже знаешь эту сказку. На самом деле ты знаешь лишь то, что тебе рассказали.

— А ты кто? И откуда тебе знать больше? — задаешь ты вопрос.

И имеешь полное право получить ответ.

Я — егерь. Тот самый. Правда, я уже умер, но это дела не меняет. Мертвые тоже говорят. Наши языки черны от времени и горьких сожалений, но они все равно произносят слова. И ты услышишь их, если напряжешь слух.

Ты возразишь мне, что все это выдумки. Что я пичкаю тебя сказками, историями о том, чего никогда не было. Но в Темном Лесу по сей день бродят такие твари, каких ты и представить себе не можешь, и лишь глупец станет отрицать их существование.

Мудрые бабушки советуют нам держаться торной тропы и не заходить в лес.

Но как быть, если в один прекрасный день тебе все же придется свернуть с тропы, чтобы узнать, какой страх таится в чащобе?

Ведь если ты не пойдешь к нему, он сам отыщет тебя.

Глава 1

Днем раньше...

— Ату его! — кричала королева, шпоря горячего скакуна.

Собаки гнали зверя. Серый волк выскочил из кустов шиповника и теперь бежал вглубь леса. По пятам за ним, захлебываясь злобным лаем, неслась королевская свора.

Лишь самые отважные из охотников не отставали от королевы в этой гонке, хотя им стоило больших усилий держаться с ней наравне, и только принцесса на быстрой, легконогой лошадке храбро ринулась вперед и обогнала ее величество. На головокружительной скорости неслась она следом за сворой, то пропадая из вида, то вновь появляясь, развевающаяся юбка мелькала среди деревьев. Ее лошадка перескочила через каменную изгородь, распласталась над ручьем, а миг спустя перелетела через заросли, такие высокие, что за ними ничего не было видно. Принцесса потеряла шляпу; черные волосы струились за ее спиной, как ленты ночного мрака.

Королева не смогла ее догнать. Не смогли и принцы, Хаакон и Родриго. Я видел, как они мчались по лесу: королева в белом, благородные дамы и господа из ее свиты в красно-коричневом, темно-зеленом и охряном. Я видел, как прильнул барон к шее лошади, обеими руками вцепившись ей в гриву. Расстояние между ним и королевой быстро сокращалось, но в тот самый миг, когда барон уже готов был вырваться вперед, его лошадь споткнулась. Всадник вылетел из седла, коротко вскрикнул и рухнул на землю, тошнотворно хрустнув костями.

— Бросьте его! — крикнула егерям королева. — Потом

соберем отставших!

Несчастный лежал под деревом с закрытыми глазами и окровавленной головой. Я проскакал мимо; другие охотники тоже. Только принцесса обернулась и бросила на него взгляд.

Мы гнались за сворой, ведомые лаем, меняя направление всякий раз, когда он начинал доноситься из другого места. На время я потерял королеву из виду — она въехала в лощину, полную тумана, — а когда увидел ее вновь, она уже догоняла собак. И принцессу.

Гончие взяли волка в кольцо, но приблизиться не решались. Он был большим и страшным и уже зарезал двоих. Растерзанные тела лежали рядом.

А где же был он, виновник, спросишь ты? О, да. Он тоже был там.

Он всегда был поблизости, наблюдая и выжидая.

Я слышал его в утробном волчьем рыке. В нервном перестуке лошадиных копыт. Я видел его во взгляде принцессы, где он колыхался, точно трехдневный утопленник, поднявшийся из речных глубин.

И вдруг волк, оскалившись, бросился на лошадей. Лошадка принцессы заржала и вскинулась на дыбы, но всадница удержалась в седле. Скакун королевы расширил ноздри, прижал уши, но не двинулся с места, зато сама королева соскочила на землю.

И стала обходить свору кругом, кричать на собак, науськивать их на волка. Собаки лаяли, пуская слюну, и хватали зверя за ляжки. Он огрызался, но ведь он был один против целой своры. Собаки тоже это знали и потому становились все смелее. Только одна из них, маленькая и хрупкая, держалась поодаль.

Королева заметила это; ее глаза потемнели.

— Дерись, трусиха! — закричала она.

Но собака, поджав хвост, отбежала подальше. Разъяренная королева выхватила у егеря хлыст и кинулась за ней.

— Ваше величество! Волк уходит!

Это был принц Хаакон. Он только что подъехал к охотникам. Королева отшвырнула хлыст и бросилась к коню, но пока она садилась в седло, собаки — и принцесса с ними — уже скрылись из виду, снова пустившись за добычей.

Целую милю — такой сложный и долгий путь! — принцесса скакала за волком, пока наконец дорогу им не перерезал глубокий овраг. К счастью, ей удалось остановить лошадь в нескольких ярдах от края, но волк добежал до самого обрыва. Увидев, как круто уходит вниз земля, он попытался сдать назад, но слева на него напали собаки. Справа, от края обрыва до леса, тянулась настоящая стена из шиповника, высотой не меньше десяти футов. Зверь заметался на краю оврага, собираясь с силами, чтобы перескочить на ту сторону, но потом понял, что ничего не выйдет. Тогда, опустив голову и подняв плечи, он развернулся к псам, готовясь дать им последний бой.

Принцесса подъехала к зверю так близко, что разглядела полоску светлой шерсти на горле и рваное ухо. Волк поднял голову, и она увидела страх в его серебристых глазах. Тогда принцесса соскочила с седла, ринулась в гущу зашедшихся лаем собак, принялась хватать их за ошейники, оттащить прочь, топтать на них, кричать, пока между ними и добычей не образовалось свободное пространство.

— Прочь отсюда! Уходи! — крикнула она волку.

Тот уже разглядел небольшой просвет в стене шиповника. Длинные шипы крючьями впивались в шкуру зверя, рвали уши, расцарапывали в кровь морду, но он все же пролез под беспощадными кустами и скрылся. Собаки полезли было за ним, но их морды оказались нежнее, а шкуры тоньше; они отступились.

Принцесса думала, что оторвалась от остальных охотников и никто не видел всего этого, но она

ошибалась — ее видел я. Я скакал за ней след в след и подоспел к оврагу как раз вовремя, но ничем не выдал своего присутствия. Мне не раз случалось охотиться для королевы, и не всегда моей добычей бывали волки.

Я видел, как принцесса стоит, уткнувшись лицом во взмыленную шею своей лошадки. Видел, как поникли под гнетом тяжелой усталости ее плечи. Видел, как она прижимала ладонь к груди, словно старалась унять боль под ребрами.

Дорого обошлась ей эта шарада. Но еще дороже она обойдется всем нам потом.

Вдалеке застучали копыта. Эхо донесло крики «Ату!». Когда королева, принц Хаакон и другие охотники подъехали к принцессе, та уже стояла, гордо расправив плечи; от усталости как будто не осталось и следа.

— Боюсь, сегодняшняя забава окончена, матушка, — с притворным сожалением сказала принцесса, кивая в сторону обрыва. — Волк выбрал скорую смерть.

Королева подъехала к краю и хмуро глянула вниз.

— Какая жалость, — сказала она, — у нас украли добычу.

Она обвела глазами сначала свору, потом кусты. Вдруг ее взгляд стал особенно острым. Принцесса не заметила этого, садясь в седло, но я видел, что именно привлекло внимание королевы. На шиповнике, недалеко от земли, повис клочок меха. Серого. Как у волка.

Лицо королевы помрачнело.

— Егерь, труби конец охоты, мы возвращаемся! — скомандовала она.

Я задул в рог. Гончие королевы повернулись и двинулись в обратный путь, продолжая обнюхивать землю. Маленькая трусливая сучка, все так же поджав хвост, трусила с краю. Всадники ехали, переговариваясь и смеясь.

Когда в лесу все стихло, на поляне, где только что разыгралась шарада со спасением волка, раздался

другой звук — жесткий, свистящий, похожий на шелест шелковых юбок. Подняв голову, я увидел иссиня-черную ворону — она сорвалась с ветки.

Хрипло каркнув, ворона полетела вглубь Темного Леса.

Этот звук я помню и сейчас, хотя с того дня прошли уже века.

Птица словно предостерегала.

Или предвещала дурное.

А может, смеялась.

Глава 2

Поводья были в крови.

Софи заметила это, когда передавала их конюху.

Она взглянула на свои ладони. На каждой отпечатались четыре ровные полумесяца, оставленные ее собственными ногтями. Ей было страшно, когда она галопом неслась через лес. Лошадь была стремительной и нервной, приходилось напрягать все силы, чтобы подчинить животное своей воле. Но лошадь все равно мчалась вперед так, словно волки гнались за ней, и Софи все время ждала, что вот-вот вылетит из седла и сломает себе шею. А потом увидела волка и испугалась еще больше. Зверь был таким огромным, он легко мог разорвать ее в клочья, как тряпичную куклу.

Однако не лошадь и не волк были главной причиной порезов на ладонях, и она знала это. Охота давно закончилась, а колени ее все дрожали.

— Глупая, безмозглая девчонка, — зашипела она на себя.

А вдруг королева видела, как она отпустила волка? Или видел кто-то другой? У мачехи всюду шпионы.

Она поспешно достала из кармана перчатки и натянула их на руки. Бесстрашная принцесса, которая в головоломной скачке обогнала принцев и даже королеву; бессердечная принцесса, для которой не было большего наслаждения, чем загнать зверя и смотреть, как псы затравливают его насмерть, — такой принцессы не существовало, это была маска, ложь. Порезы на ладонях — вот правда, написанная кровью, но о ней никто не должен проведать. Правители не знают жалости. Они не показывают ни слабости, ни страха. Они не плачут сами, но заставляют плакать других. Мачеха говорила ей это тысячу раз.

Стоя посреди обширного мощеного двора, окруженного псарнями и конюшнями, Софи огляделась в поисках королевы и ее свиты, но те еще не вернулись. «Вот и хорошо», — подумала она. Сначала охота, потом обратный путь, когда приходилось поддерживать светскую беседу, быть очаровательной и остроумной, — все это отняло у нее последние силы. Больше всего на свете ей хотелось подняться никем не замеченной в свою спальню, избавиться от душной, насквозь пропотевшей амазонки и принять горячую ванну.

В парадном дворе слуги уже накрыли длинный обеденный стол. На льняных скатертях стояли блюда с мясными пирогами, жареной дичью, копчеными окороками, сырами, орехами и фруктами. Софи прошла мимо стола, опустив голову, чтобы не привлекать ничьего внимания.

— Приветствую тебя, бесстрашная Артемида, богиня охоты! — раздался громкий голос с другого конца двора.

Сердце Софи упало. «Вот и прошла незамеченной», — подумала она.

Подняв голову, она увидела принца Хаакона, который шел ей навстречу. Он был хорош собой, этот Хаакон, — золотистые волосы, кожа цвета бронзы, черты лица безупречны, как у мраморного бога. За ним шел второй принц, Родриго, — изгиб его полных губ источал соблазн, темные глаза сулили блаженство. Софи приветливо улыбнулась обоим. Выбора у нее не было: либо тот, либо другой, вполне возможно, станет ее мужем.

Утренняя охота была началом целой череды увеселений, посвященных ее совершеннолетию. Вечером здесь, во дворце Конигсбурга, состоится бал — блистательное событие, на которое приглашены не только мачехины придворные, но и правители всех сопредельных государств со своими свитами. Завтра ей, Софи, исполнится семнадцать и она наденет корону

отца. Став королевой, она выйдет замуж, ведь мачеха давно спит и видит, как бы найти падчерице в мужья титулованного и могущественного правителя.

— Думаю, подойдет молодой принц Скандинайи, — сказала она, когда речь о замужестве принцессы зашла впервые. — Либо племянник императора. Или сын султана.

— Но, матушка, я ведь даже не знакома с ними. Что, если я не смогу их полюбить? — спросила тогда Софи.

— Любить? — переспросила королева, и голос ее прямо-таки сочился презрением. — Никакой любви не существует, это выдумка, и очень опасная. Твои женихи должны кружить тебе голову рассказами о силе своих армий, а не чувств и распалять твоё воображение неуязвимостью своих крепостей, а не глупыми стишками о соловьях и розах.

У мачехи была причина желать ей сильного мужа — постыдная, как хорошо понимала Софи. Этой причиной была ее, Софи, слабость. Слабой ее считала королева, а за ней и весь двор.

Все детство Софи слышала у себя за спиной шепоток придворных и слуг, которые высмеивали ее мягкосердечие и робость. Это началось, когда отец женился на мачехе, и продолжалось, нарастая, по сей день. Ядовитые слова давно проникли в сердце Софи и дали там поросль, неистребимую, как кусты шиповника. Вот и сейчас, стоило Софи только подумать об этом, как у нее в ушах зазвучали слова: «Принцесса никогда не станет хорошей королевой... ей не хватает ума... силы характера...»

Развязной походкой к ней приблизился Хаакон. Он был старшим сыном короля Скандинайи, и мачеха склонялась в его пользу. Подойдя, он приветственно поднял кружку с элем, которую держал в руке.

— Прекрасная Артемида похитила мое сердце! Однако жестокая богиня не поспешила оставить взамен свое!

Родриго фыркнул:

— И кто в этом виноват?

— Я вяну. Я чахну. Я умираю от любви, — продолжал Хаакон, прижимая ладонь к сердцу. Отвлечшись на миг, он склонился над столом, оторвал ножку цыпленка и тут же продолжил: — Мои страдания бесконечны. Подари мне свое сердце, холодная богиня, прерви мои мучения!

— Увы, это невозможно, сударь, — сверкнула глазками Софи, а ее голосок прозвучал так беззаботно весело, что никто и не заподозрил бы, как сильно ей хочется укрыться в тишине своих покоев.

— Почему, черт возьми? — спросил Хаакон, обгладывая ножку. — Такой красивый парень, как я... Да нет, не парень, а бог, скорее всего. Нет, точно. — Он нахмурился и почти сразу кивнул. — Я уверен. Я бог, и зовут меня... ммм... Аполлон! Да, вот кто я такой! — И он ткнул в Софи наполовину обглоданной ножкой. — Из нас выйдет отличная пара.

— Вообще-то, если вы помните классиков, а я уверена, что вы их не забыли... — начала Софи.

— Еще бы, такому ученому да не помнить, — вставил Родриго.

— То знаете клятву Артемиды: никогда не связывать себя узами брака. И даже если бы богиня нарушила свою клятву, то вряд ли бы сделала это ради Аполлона. Ведь он приходился ей родным братом.

Хаакон наморщил нос:

— Фу!

— Вот именно, — сказал Родриго.

Несмотря на усталость, Софи искренне рассмеялась. Да и кто устоял бы на ее месте? Хаакон был как солнце — могучее, яркое, оно притягивает к себе всех и удерживает на своей орбите. Да, он был заносчив и спесив, но при этом поразительно хорош собой, а за красоту людям прощают многое. Во всем дворце наверняка не было ни одной женщины, не влюбленной в

принца Хаакона. Вот и Софи немножко влюбилась, хотя не хотела признаваться в этом даже себе.

Между тем во двор продолжали прибывать всадники. Скоро за ними последовали конюхи и собаки. Софи показалось, что она слышит голос фельдмаршала королевы, который и на охоте не говорил, а рывкал, словно в бою. Хаакон и Родриго оглянулись и стали жестами подзывать кого-то из верховых. Пока они были заняты, Софи различила другой звук, настолько непохожий на гомон охотничьей компании, что его не перекрывали даже цокот лошадиных подков и громкий голос Хаакона. Это были шаги, торопливые, но шаркающие, словно человек приволакивал ногу.

— Том? — воскликнула она, обернувшись.

К ней бежал мальчуган. Он был малорослым для своих лет, застенчивым и неловким.

— Осторожно, Том! Не спеши так... — начала Софи, но не успела: Том зацепился носком башмака за выступающий камень, споткнулся и упал. Софи наклонилась к нему, чтобы помочь.

— Теленок неуклюжий, — услышала она чей-то голос.

— Топить таких надо при рождении. Разве не так поступают с щенятами, последними в помете?

Том тоже услышал, и его лицо сморщилось. Софи поняла, что жестокие слова причинили ему больше боли, чем ушиб. А женщины, с чьих уст они сорвались, — камеристки королевы, — смеясь, поспешили дальше.

— Не слушай их, — сказала Софи, стараясь утешить паренька. — Если хочешь узнать, что такое неуклюжесть, погляди на баронессу фон Арним, когда она танцует сарабанду. — Софи кивнула вслед одной из удалявшихся женщин. — Вот уж кто настоящая ослица на льду!

Том засмеялся, и Софи тоже улыбнулась, однако ее улыбка померкла, когда она увидела разбитые коленки мальчика.

— Тебе нельзя бегать, — побранила его она. — Сколько раз я говорила?

Том был похож на тех щенков, с которыми постоянно возился на псарне: несоразмерно длинные ноги и руки, большие ступни.

Мальчик отбросил со лба пряди волос, которые лезли ему в глаза.

— Как было не бежать, ваше высочество! Я должен вам сказать!

— Что сказать? — переспросила Софи.

— Герцогиня оценилась! — Герцогиней звали саниеля, любимицу Софи.

— Не может быть! — ахнула Софи, и ее глаза радостно сверкнули.

— Ей-богу! Семерых принесла! И все здоровые, как на подбор, толстенькие, как сардельки, носы курносые, и лапки такие смешные, розовые! Идемте, посмотрим!

От возбуждения Том так забылся, что протянул принцессе руку. Софи тоже забылась и взяла ее.

— Ты что творишь? Никак, ты спятил, парень! — громыхнул вдруг чей-то голос. — Как ты смеешь трогать своими лапами принцессу!

Перед ними стоял фельдмаршал, тот, кому подчинялась армия королевы. Он шагнул к Тому, схватил его за плечо и так встряхнул, что у мальчишки клацнули зубы. А Софи поспешила убрать руку за спину: мол, я тут ни при чем.

Это был трусливый поступок, и внутри у Софи все сжалось от стыда. Она знала, что должна защитить Тома, объяснить фельдмаршалу, что они оба забылись. Но промолчала. В самом деле, водить дружбу с мальчишкой-псарем, играть со щенками — неподобающее занятие для будущей королевы. Истинные монархи держатся с подданными надменно и холодно. Мачеха наверняка рассердится, если услышит о ее промахе. Здесь, во дворе замка, не то что в лесу, на

охоте, — от лишних глаз не убережешься. Хуже того, здесь главные охотники сами становятся добычей.

— Больше это не повторится, ваше высочество, — заверил фельдмаршал Софи, потом повернулся к Тому. — А ты знай свое место! — рявкнул он и, снова встряхнув мальчишку, удалился.

Том поднял глаза на Софи. В них проглядывали боль и смятение, и у Софи снова сжалось сердце.

— П-простите меня, ваше высочество. Я не... не хотел...

Слова Тома заглушил звук, от которого у Софи кровь застыла в жилах.

Тонкий, пронзительный вой.

Он раздавался прямо во дворе замка.

Глава 3

Гончая забила в угол.

Несчастливая тварь скулила и прижималась к земле, стараясь стать маленькой и незаметной. Софи сразу ее узнала: та мелкая, нерешительная собачонка, которая не хотела бросаться на волка.

Королева уже вытянула ее хлыстом по спине и теперь указывала на нее.

— Никчемная тварь! — бросила она. — Убить ее!

Софи застыла на месте, пораженная ужасом. Зато на помощь собаке бросился Том.

— Нет! — вскрикнул он и загородил собой животное. — Прошу вас, ваше величество, не надо! Это хорошая собака!

Королева вихрем обернулась на крик, побелев от ярости. Ее глаза искали того, кто осмелился ей перечить.

— Что? Я должна терпеть, когда на меня кричит какой-то мальчишка с псарни? — спросила она, и костяшки ее пальцев, сжимавших рукоятку хлыста, побелели.

На крик королевы прибежал Алистер, главный псарь и отец Тома. Когда он увидел, что происходит, глаза у него полезли на лоб от ужаса. Только он успел схватить сына за шиворот и притянуть к себе, как в воздухе просвистел хлыст. Мальчика он не задел, зато раскровенил щеку самому Алистеру.

Не обращая внимания на боль и кровь, которая текла с лица, псарь вступился за сына.

— Он очень сожалеет о своей дерзости, ваше величество. И никогда больше не будет так поступать. Прошу вас, простите его. Проси прощенья, Том...

— Но, папа...

— Проси прощенья! — заорал на него Алистер. —

Живо!

Он кричал на мальчика не потому, что был зол на него. Софи понимала: им руководил страх. Хлыст королевы оставил на щеке Алистера глубокую борозду, а ведь он взрослый мужчина. Что же сотворит удар такой силы с тщедушным ребенком?

— Я... я прошу прощения, ваше величество, — промямлил Том, глядя в землю.

— Займитесь собаками, вы оба, — приказала им королева.

Алистер отпустил Тома, вытащил из кармана платок, прижал его к щеке и подозвал к себе свору. Маленькая гончая осталась в углу — одинокая, беззащитная, отчаявшаяся. Она знала, что обречена.

— Идемте, я покажу вам мою новую породистую кобылу! — обратилась королева к благородным гостям.

Когда все направились к конюшням, Том снова подошел к Софи.

— Пожалуйста, сделайте так, чтобы ее не убивали. Прошу вас, моя госпожа, — дрожащим голосом взмолился он. — Ее зовут Зара. Она последыш в своем помете. Разве может такая малютка убить волка?

— Конечно нет, Том, — ответила Софи, наблюдая за королевой, которая уже входила в конюшни.

Жестокость мачехи до того поразила принцессу, что она не находила в себе сил двинуться с места. Мучительная тоска сдавила грудь, не давая девушке вздохнуть, но и она не могла победить зарождающийся гнев. Несправедливость поступка мачехи — вот что стало его причиной. Несправедливость и всеобщее безразличие, ведь все во дворе продолжали есть, пить и веселиться так, словно ровным счетом ничего не случилось.

«Нет, волка такой малышке, конечно, не убить, — подумала она, глядя вслед королеве. — Но перехитрить королеву, может быть, получится».

Том не двигался. Он так и стоял возле Софи, сжав кулаки.

— Иди помоги отцу, — обратилась к нему девушка.

Плечи парнишки поникли. Надежда покинула взгляд.

— Но, моя госпожа...

— Иди!

От страха у нее перехватило горло. Утром она уже совершила одну глупость — дала уйти волку, но то, что она собиралась сделать сейчас, граничило с безумием.

Едва Том ушел, Софи огляделась. Все были заняты едой. Фельдмаршал отдавал должное роскошному пирогу с олениной. Хаакон отщипывал кусочки от окорока. Родриго впился в сочный персик. Убедившись, что на нее никто не смотрит, Софи направилась в дальний угол двора, где лежала несчастная псина.

Набрав полную грудь воздуха, Софи собрала волю в кулак. Внутри у нее все дрожало, но она думала о Томе, который осмелился бросить вызов королеве, просить ее о том, чтобы она пощадила собаку. В отличие от нее, храбрость не была для него личиной, которую он то снимал, то надевал, в зависимости от обстоятельств. Нет, храбрость была его истинным лицом, и если несчастный мальчишка-псарь способен на такое, значит способна и она, принцесса крови.

— Ты Зара, да? Какая ты красotka, — зашептала она, приближаясь к собаке.

Услышав свое имя, собака встала и посмотрела на нее огромными молящими глазами.

— Тихо, девочка, тихо, — продолжила Софи. — Я тебя не обижу. И никто не обидит. Если, конечно, мы с тобой не будем мешкать и сделаем все быстро. — Просунув два пальца под ошейник, она потянула собаку за собой и, заслонив ее своей широкой юбкой, повела вдоль стены к выходу. — Ну давай, девочка, давай... Мы почти пришли...

От деревянных створок ворот их отделяло всего

несколько шагов. Поспешно подведя Зару к выходу, Софи открыла задвижку.

— Беги! — шепнула она собаке, приоткрывая одну створку. — Дуй во всю прыть и не возвращайся!

Собака не заставила просить себя дважды. Софи смотрела, как сливочно-белый шар катится по полю и скрывается в лесу, и на сердце становилось легко. Она затворила ворота, повернулась к ним спиной и окинула взглядом двор. Охотники продолжали поглощать обильный завтрак, слуги едва успевали подносить новые блюда. Никто ничего не заметил. Софи перевела дух и пошла к себе. Пересекая двор, она прошла мимо Тома. Тот стоял посреди двора и медленно поворачивался вокруг себя, осматривая все углы.

— Отец велел привести Зару, — глухо сказал он. — Вы не видели, куда она пошла, ваше высочество?

Софи приняла огорченный вид.

— Та маленькая гончая? — переспросила она. — Мне очень жаль, Том, но она сбежала. Я открыла ворота и отвлеклась, совсем ненадолго, а она улизнула.

Том улыбнулся. Не только губами — всем лицом, даже телом. Софи подмигнула ему и пошла в свои покои.

И тут она увидела мачеху.

Королева стояла на пороге конюшни и в упор смотрела на падчерицу. Тонкие ледяные пальцы ужаса скользнули по спине принцессы. «И давно она там стоит? — подумала девушка. — Неужели она все видела?»

Молчание и неподвижность королевы заставили умолкнуть всех, кто был во дворе. В наступившей тишине прозвенел ее холодный голос.

— Трусость сродни чуме: она заразна. Один больной может заразить целый народ. Собака — та, которую я приказала убить, но которая, кажется, сбежала, — должна была броситься на волка по моему приказу. Что же случится в следующий раз, когда остальные псы

решат последовать ее примеру и поступать так, как им хочется, а не так, как им приказали? Я скажу: тогда нападет волк, и ваша королева погибнет.

Ужас, сковавший Софи, сменился страхом. Но боялась она не за себя.

— Это я виновата в том, что собака сбежала, ваше величество. Я открыла ворота, — заговорила она поспешно.

— Ты — принцесса крови, наследница престола, а не помощница псаря, — отрезала королева. — Вина не на тебе, а на мальчишке. Он должен был привязать собаку, чтобы та не могла сбежать. — Умолкнув, она перевела взгляд на Тома. — Приказываю перебить всех собак на моей псарне на тот случай, если какая-то из них подхватила заразу трусости. А этого мальчишку, который покрывает трусливых сук и ценит их жизнь выше жизни королевы... его я приказываю отвести в казарму и дать ему десять плетей.

— Нет, — прошептал Том, качая головой. — Не надо. Пожалуйста. Простите... Я больше не буду!

У Софи перехватило дыхание. Ей хотелось закричать на мачеху, упасть ей в ноги и упрашивать об отмене наказания, но принцесса понимала, что ничего такого не сделает. Поэтому она, опустив руки, неподвижно смотрела, как Том попятился, зацепился башмаком за камень и снова упал.

— Папа! Папа! — закричал он, протягивая руки к отцу.

Алистер шагнул к сыну, но у него на пути встал капитан дворцовой стражи. Псарь повернулся к королеве, чтобы умолять ее пощадить его ребенка, но та уже ушла.

Софи понимала, что затеяла королева. Она желала преподать урок. Не мальчишке: это был лишь предлог. Нет, урок предназначался всем благородным охотникам, дамам и кавалерам, и суть его заключалась вот в чем: трусость опасна и наказуема, а непослушание